

НАЧАЛО

В музее поселка Языково нас заинтересовала необычная рукопись – «Начало Языкова». Поразил язык книги, ее образность, художественное обрамление и в то же время – научная скупность. От заведующей музеем Т.В. Алексеевой узнали, что автор книги Михаил Сергеевич Сударев в начале 1960-х годов работал с архивными документами, собирал историю села Языково и «первым откопал» родословную Языковых. Жив ли автор рукописи, никто сказать не мог.

Начали искать следы М.С. Сударева. Оказалось, в 1960-70 годы он жил и работал в Барышском районе, был известным журналистом, собирался издать книгу, и на это якобы уже было получено согласие Москвы... Однако с книгой вышла почти детективная история. Человек осторожный, Сударев носил рукопись, «свое сокровище», всегда при себе – в портфеле. Но портфель... исчез, а автор умер. Никаких бумаг при покойном не оказалось. Зато сохранилась рукопись «Начало Языкова», которая когда-то была заказана руководством Языковской текстильной фабрики. Предлагаем читателям познакомиться с первыми главами так и не изданной рукописи.

Гнев боярина

Много лет тому назад крестьяне одной из глухих деревень Владимирской губернии, отписанной московскими царями в холопство дворянину Языкову, с нетерпением поджидали весну.

Зима в том году не в меру долго загостилась. Морозы скрипели до самого благовещенья, а вьюги скулили во все пасхальные дни. По приметам давно бы оглобли выворачивать, сани на поветь задвигать, а деревню сугробы задушили. Мужики отсиживались в заваленных снегом избушках, целыми днями коптились у чадающих печей, охали, ахали, ругали запоздалую весну. Каждый морозный день приводил их в отчаяние. Сусеки опустели с самой Масленицы, жили кое-чем: тереблы ореховые и березовые сережки, мололи желуди, варили всякую бурду, которой и наполняли пустые животы и заглушали мучительно острую потребность в пище. И кто знает, что бы осталось с языковскими мужиками, если бы не кузнец Трофимка, который спас их, можно сказать, от лютой смерти. Но о кузнице речь пойдет особо. А теперь о весне того самого года.

Где-то долго задержавшись, весна наконец перепрыгнула за Оку, проникла в чащи владимирских лесов и дохнула-таки теплом. Разом обмяк и посерел снег, расплылся по сторонам сугробы, а река Ушма вспучилась и понеслась в неумном беге по широкой болотистой равнине. Мужики семьями выползали из курных избушек, грели на солнце исхудалые лица, облегченно вздыхали. Все любовались, глядя на неукротимую силу полой воды, на бурные перемены, которые совершались в природе на глазах людей. Полая вода уносила мужицкую нужду и несла с собою новые заботы.

На третьей неделе после Пасхи, в тот самый день, как старосте Трифону Краснобаеву, очень строгому и рас-

судительному мужику надо было нарядить своих одножителей на барщину для весенней запашки городского надела, и едва он успел ударить в било, как к берегу причалила лодка и из нее вышел гороховский поп – отец Леонтий. Приехал он узнать о здравии чад своих, оставленных им с самого рождества. Чады его, узнал отец Леонтий, за малую толикою умерших от хворы детей, живы и здоровы, и стал собираться обратно в Горохов. Но уезжал он в сильном расстройстве. Деревенские мужики и бабы покаялись ему в тяжких грехах: во время великого поста они не говели и, якобы спасая себя от голодной смерти, кормились скоромной пищей и «кровь проливать» перестали лишь в страстную неделю. Тут же Леонтий доподлинно выведал, что в греховодное заблуждение совратил его паству не кто иной, как кузнец Трофимка, про которого говор идет, будто знается он с нечистою силою.

Отец Леонтий как человек радетельный, возвратясь в

рис. Л. Нецветаева

уезд, посетил владычного боярина и донес ему о том, что языковские крестьяне «впали в ересь, посты не бдят, что крепостной боярина Александра Языкова мужик Трофимка строил железные ловушки, которыми ловил в господском лесу лосей и прочее зверье и питал мясом своих одножителей. А Трофимка мужик к вере Божьей усердия не имеющий, в еретических замыслах погрязший и добрых христовлюбцев к тому понуждающий».

В те «добрые старые времена» имел силу государев указ, по которому еретики подвергались «царским сиречь казням по градским законам», и потому скоро в деревню приехали приставы, повытчики, дьяки. Вывели приставы Трофима, большого, сильного человека, из его малой избы, наклепали на ноги колодки и надели на руки тяжелую цепь. Дьяки и повытчики, «по известу попа Леонтия», с пристрастием допросили крестьян и тем же путем уехали обратно, захватив с собой скованного Трофима.

С той поры языковские мужики потеряли всякий покой. Боярин на них разгневался и обложил тяжелой податью. Управителю приказал поборы взыскивать немилосердно. В деревню зачастили приставы, изборщики, которые норовили лихоимством брать у крестьян мед, масло, мясо... Под конец Языкову донесли, что крестьяне его обнищали до того, что кроме тощих лошадей в хозяйствах ничего не имеют, а иные по лесам разбегаться начали, и разгневанный боярин благословил эту вотчину сыну Василию, который в то самое время находился на государственной службе в одном из стрелецких полков, размещенных на Симбирской черте.

Переселение

Боярский сын Василий Языков был многосемейным человеком, уже в пожилых годах, и нес нелегкую службу по охране рубежей государства. Рубеж, обороняемый стрельцами Василия Языкова, находился едва ли не на середине русской земли. Он начинался от города Карсун и шел полями и лесами до правого берега Волги, к тому месту, где в 1648 году был построен город Симбирск. Пять лет согнанные с разных областей люди по приказу Московского царя копали ров, насыпали вал, вырубали «засеки» и на «укрепленной черте» строили остроги.

Под Симбирском еще велись земляные работы, а уже распорядились начать строительство «укрепленной черты» за Волгой, где в 1652 году был заложен острог Белый Яр, и вести ее по правому берегу реки Черемшан к верховьям Камы.

Военно-инженерные работы внутри земель русского государства были вызваны постоянной угрозой из-за Волги, со стороны кочевых ногайцев и калмыков, которые переправлялись на правый берег и совершали опустошительные набеги на русские поселения. С появлением на «черте» укрепленных городков и стрелецких гарнизонов опасность быть разоренными и угнанными в рабство постепенно исчезала, и весь обширный, наполовину пустующий край стал быстро заселяться.

С середины XVII столетия симбирских помещиков охватила «переселенческая лихорадка». Не было маломальски состоятельного человека, который не закрепил бы за собою участок земли и не поселил на нем своих людей. Вместе с переселенцами, принудительно переводимыми помещиками «на черту», сюда устремились толпы беглых крестьян, которые спасали себя от крепостного рабства, а мордва и чуваша бежали от насильствен-

ного крещения. Пришлые люди — беглые и служилые — старались утвердиться на новой обетованной земле.

Василий Языков находился на государственной службе в то самое время, когда лучшие земельные угодья были розданы или захвачены помещиками, и Симбирская канцелярия стала давать боярским и дворянским детям не более 60 четвертей земли. Как только в руках Василия Языкова оказалась «дарованная грамота» на землю, он тотчас же направил гонцов во Владимир...

В деревне Василия Языкова переполох: за Ушмойрекой властно трубит рог. Бабы с ребятишками стремглав за огороды бросились и одним махом нырнули в конопляники. Работящий люд в поле находился, господскую рожь дожинал. Заслышав рог, мужики серпы пороняли: кого нелегкая несет в горячую пору. Староста Трифон, когда-то говорливый и рассудительный мужик, а после повальной порки потерявший прежнее красноречие, затрусил в деревню. Староста, он за всех в ответе, с него в первую голову спрос: и за подати, и за барщину, и все остальное.

А из-за реки кричат, паром требуют. Трифон и сам знает, что гостям переправа нужна. Забегал по деревне, заматался от избы к избе. И хоть бы человека найти — будто все вымерли.

Вытащил Трифон с погребницы кузнецова тестя Пахома, долгоязыкого, рыжебородого старика.

— Ты что, такой-сякой, хорониться надумал? Аль не слышишь, как господа рогом трубят?

Вдвоем с Пахомом погнались паром за реку. Гости ругаются, торопят, скорее плыть велят.

То были гонцы боярина Языкова. Расстегнул старшой сумку кожаную, достал из нее бумагу, в трубку свернутую, с печатью на шнурке, и говорит: «В свитке сем указ боярина вашего Василия Александрова сына Языкова. Повелел он вам, холопьям своим, чтобы как скоро соберете жито с поля, то, не мешкая, ехать двадцать осьми крестьянским дворам с животами в Симбирский уезд и поселиться на дарованной ему, Василию, земле на Урень-реке, промеж Уренским городком и деревней Каменный Брод».

Услыхав это, Трифон в ноги кинулся. «Оставьте, — говорит, — умереть на родной земле!»

Однако Пахом рассудил иначе: «Люди бегмя бегут с наших-то мест, а барин сам нас увозит. Да тут не токмо что... тут впору радоваться надоть».

Обоз языковских крестьян покидал Владимирщину после молотбы. Была ясная, безоблачная пора середины августа, какая бывает перед осенней непогодой. Лес, наполненный запахом меда и смолы, стоял в тяжелой листве, готовый к смене наряда. Поля уже пожелтели и оштитились колкой стерней. Ехали по дороге, обсаженной крестами. Оставляли кресты за собой и сами переселенцы. То старик умрет, то младенца жизнь покинет. В такие дни обоз останавливался. Рыли могилу, долбили гроб, соборовали покойника.

Впереди ехала телега старосты Трифона Краснобаева с котлами, горшками, зерновыми и мешками немолотой ржи. Сыновья и снохи шли следом. Сам Трифон шел за семьей, погруженный в свои крестьянские думы. За Трифоном на пегом мерине ехал Ивашка Таекин с женой Федорой. Поклажи у них было немного, и они больше сидели в телеге, чем шли пешком. Ивашка — в порванной шубе, которую не снимал даже летом, — походил на взъерошенного воробья. Он тянул тонкую шею, вертел

вздохмаченной головой, обозревая широкие приволжские равнины. Федора его сидела спиной к Ивашке и думала свою бабью думу.

Известный в деревне драчун Григорий Благой шагал за телегой в длинной рубаше из грубой пестрядины и новых лаптях. Его худощавая жена Лукерья и восемь человек детей понуро шли за Григорием.

За Благовыми ехал Иван Дектябрь с семейством, за ним Мирон Кривой, потом на двух телегах Лобовы. Где-то в хвосте обоза ехали деревенские бобыли Нестер Яковлев и старик Пахом. Нестер пристроил свою поклажу, состоящую из деревянного ведра, такой же миски и глиняного горшка в возке Лаврентия Сорокина, а Пахом и сам примостился в телеге дочери Любаши, овдовевшей с арестом Трофима.

Ехали-спешили. Переселенцам снился жирный чернозем, невиданные урожаи жита. Хотя земля опять будет господской и сами тоже останутся рабами, а все же мечтали: может, доведется около боярина да сытно пожить. И они сокращали привалы, понукали лошадей в пути. Пахом тоже спешил. Любаша со дня на день должна была разрешиться, и Пахому хотелось, чтобы этого не случилось в дороге.

С каждым новым днем приближались к Симбирской черте. Уже проехали города Арзамас и Алатырь, миновали Сурский острог с деревянным частоколом, потом два дня петляли вдоль извилистых берегов мелководной речушки Урень, когда, наконец, показались земли укрепления и рубленные стены Уренского городка.

От сторожевых башен, на которых никто не стоял, по взгорью тянулись ряды изб стрелецкой слободы. Сами стрельцы с женами и детьми домолачивали снопы, возили солому, дергали коноплю. Никто на проезжих не обращал внимания. Лишь грозный вид воеводы Куроедова, чернобородого боярина с одутловатым лицом, с тяжелой саблей на боку и большим пистолетом за поясом, говорил о воинстве Уренского городка.

Воевода строго допросил проезжих, «чи они будут, все ли языковские и нет ли средь них беглых, приставших людей»? Получив нужные ответы, пояснил, что языков-

кая земля находится на Завальном стане, в верстах семи от крепости, вверх по реке, и она частью уже распахана не то стрельцами Подлесной Теньковки, не то мужиками деревни Каменный Брод.

Новая земля... Лежала она теперь у ног переселенцев, изрытая оврагами и поросшая тучной травой. По правому берегу громоздились холмы: местами лысые, местами поросшие кустарником, вдали красовался золотисто-красными осенними огнями лес, который, обходя поляны, кое-где спускался по взгорью к реке.

Мужики подошли к изрытому сохами полю. Поднял ком земли Трифон Краснобаев, поднял ком Григорий Благой, приложился к земле Ивашка Таекин.

- Земля-то, миряне, не тае, - заметил Ивашка.

- Худобая земля, - опередил Григорий. - Каменья много.

Трифон молчал...

Тем временем на пригорке показались всадники, которые во всю прыть скакали в ложбину, где расположился крестьянский обоз. Последний и, по-видимому, старший из них, в длиннополном стрелецком кафтане и высокой боярской шапке, с мушкетом за спиной и саблей на боку осадил своего коня у самой реки. Двое других взамен мушкетов имели за плечами бердыши.

Завидя стрельцов, мужики и бабы повалились наземь.

- Чьи будете, откуда? - спросил старшой, вытирая пот с бородатого лица.

- Языковские мы, переведенцы. С Владимира перебираемся...

- Встаньте, дети мои. Я - боярин ваш, Василь Александров сын Языков.

Мужики, оторопев, устались на своего господина, на которого работали всю жизнь и которого видали в первый раз. Не зная, как поприветствовать своего повелителя, они вторично повалились наземь...

В тот самый момент, когда староста Трифон хотел словами выразить свою радость, в обозе раздался пронзительный крик Любаши.

- Будь ты неладна, - заворчали мужики, - не нашла другого времени разбрюхатиться.

- Что там такое? - спросил Языков.

- Да у нас тут одна тово, - пояснил староста, - родить собралась.

- Это хорошо. Люди мне завсегда нужны. Кто же она такая?

- Жонка Трофимки-кузнеца.

Любаша меж тем продолжала кричать. Бабы окружили ее, а мужики виновато примолкли.

Языков не сходя с коня наказывал крестьянам:

- Стройтесь на горе, меж теми вон оврагами. Оттуда и вас легче видеть, и вам можно все усмотреть. Лес для домового строения рубите за оврагом. А ближе к реке дом господский срубите и не в малых палатах.

Деревенская повитуха осталась на Владимирщине, и роды принимала тетка Федора - Ивашкина жена. Костлявыми руками она подняла розовенькое тельце, обвернутое в холстину.

- Сын Трофимкин, сын родился! - объявила она.

- Это доброе знамение, коли ребенок на новом месте, - говорит помещик. - А парень - это уже душа. А где же отец, где кузнец?

Мужики молчали в нерешительности.

- Где же он, кузнец-то? Пусть подойдет. Я на зубок серебра положу.

